



МӘДЕНИ МҰРА
ғылыми журнал

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
научный журнал

CULTURAL HERITAGE
science journal

ISSN: 3006-1377 (online)

№1 (112)

Астана
2026

РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚА:

ӘБДІҒАЛИҰЛЫ
Берік

– саяси ғылымдар кандидаты, алқа төрағасы (Қазақстан)

ИБРАЕВА
Ақмарал Ғосманқызы

– алқа төрағасының орынбасары, Қазақстан ұлттық жаратылыстану ғылымдары академиясының академигі, тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

ТАЙМАҒАМБЕТОВ
Жәкен Қожахметұлы

– ҚР ҰҒА академигі, тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

САМАШЕВ
Зайнолла Самашұлы

– тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

АЯҒАН
Бүркітбай Гелманұлы

– ҚР ҰҒА құрметті академигі, тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР Еңбек сіңірген қайраткері (Қазақстан)

ОҢҒАРҰЛЫ Ақан

– тарих ғылымдарының кандидаты (Қазақстан)

ҮМІТҚАЛИЕВ
Ұлан Үмітқалиұлы

– тарих ғылымдарының кандидаты, профессор (Қазақстан)

ИСМАИЛОВА
Жанат Хамидовна

– тарих ғылымдарының докторы, профессор (Өзбекстан)

ЦЗИ Сяофен

– PhD докторы (Қытай)

ВОЛЬФРАМ Сабине

– PhD докторы (Германия)

ШТЕЙН Гил

– PhD докторы (АҚШ)

ОУТРАМ Алан

– PhD докторы (Ұлыбритания)

ШОМФАЙ Иштван

– PhD докторы (Венгрия)

ӘБДУАҚАП Қара

– PhD докторы (Түркия)

ДАВЫДОВ
Владимир Николаевич

– әлеуметтану ғылымдарының кандидаты, PhD докторы (Ресей Федерациясы)

АҒАТАЙ
Өткірбай Мылтықбайұлы

– PhD докторы (Қазақстан)

ДУВАНБЕКОВ
Руслан Сабырұлы

– PhD докторы (Қазақстан)

ИСКАКОВ
Қуаныш Алдабергенұлы

– PhD докторы (Қазақстан)

EDITORIAL BOARD:

Berik Abdygaliuly	– candidate of Political Science (Chairman of the editorial board) (Kazakhstan)
Akmaral Ibrayeva	– deputy chairman of the editorial board, Academician of the National Academy of Natural Sciences of Kazakhstan, Doctor of historical sciences, Professor (Kazakhstan)
Zhaken Taimagambetov	– academician of NAS RK, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Zainolla Samashev	– doctor of Historical Sciences, (Kazakhstan)
Ayagan Burkitbay	– Honorary Academician of the NAS RK, doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of RK (Kazakhstan)
Ongaruly Akan	– candidate of Historical Sciences (Kazakhstan)
Umitkaliev Ulan	– candidate of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Ismailova Zhanat	– doctor of Historical Sciences, Professor (Uzbekistan)
Ji Xiaofen	– PhD (China)
Wolfram Sabine	– PhD (Germany)
Gil Stein	– PhD (USA)
Alan Outram	– PhD (UK)
Somfai Istvan	– PhD (Hungary)
Abdulvahap Kara	– PhD (Turkey)
Davydov Vladimir	– candidate of Sociological Sciences, PhD (Russian Federation)
Agatay Otkirbay	– PhD (Kazakhstan)
Duvanbekov Ruslan	– PhD (Kazakhstan)
Iskakov Kuanysh	– PhD (Kazakhstan)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ӘБДІҒАЛИҰЛЫ
Берік

– кандидат политических наук (председатель коллегии) (Казахстан)

ИБРАЕВА
Акмарал Госмановна

– заместитель председателя коллегии, Академик Казахстанской национальной академии естественных наук, доктор исторических наук, профессор (Казахстан)

ТАЙМАГАМБЕТОВ
Жакен Кожаметович

– академик НАН РК, доктор исторических наук, профессор (Казахстан)

САМАШЕВ
Зайнолла Самашевич

– доктор исторических наук, профессор (Казахстан)

АЯҒАН
Буркитбай Гелманулы

– Почетный академик НАН РК, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель РК (Казахстан)

ОНГАРУЛЫ Акан

– кандидат исторических наук (Казахстан)

УМИТКАЛИЕВ
Улан Умиткалиевич

– кандидат исторических наук, профессор (Казахстан)

ИСМАИЛОВА
Жанат Хамидовна

– доктор исторических наук, профессор (Узбекистан)

ЦЗИ Сяофен

– PhD доктор (Китай)

ВОЛЬФРАМ Сабине

– PhD доктор (Германия)

ШТЕЙН Гил

– PhD доктор (США)

ОУТРАМ Алан

– PhD доктор (Великобритания)

ШОМФАЙ Иштван

– PhD доктор (Венгрия)

КАРА Абдукап

– PhD доктор (Турция)

ДАВЫДОВ
Владимир Николаевич

– кандидат социологических наук, PhD доктор (Российская Федерация)

АГАТАЙ
Уткирбай Мылтыкбайулы

– PhD доктор (Казахстан)

ДУВАНБЕКОВ
Руслан Сабырулы

– PhD доктор (Казахстан)

ИСКАКОВ
Куаныш Алдабергенович

– PhD доктор (Казахстан)

МАЗМҰНЫ / CONTENT / СОДЕРЖАНИЕ

Археология / Archaeology / Археология

<i>Молдахмет А.А., Елеуов М., Талеев Д., Есен С.</i> Қазақ хандығы дәуіріндегі Созақ: археологиялық зерттеу тарихынан	
<i>Молдахмет А., Елеуов М., Талеев Д., Есен С.</i> Созақ в период Казахского ханства: из истории археологических исследований	
<i>Moldakhmet A., Eleuov M., Taleev D., Esen S.</i> Sozak in the Kazakh khanate period: from the history of archaeological research.....	8
<i>Аккошкарлова Ж.Т., Рахимжанова С.Ж., Тушева Е.К.</i> Орталық Қазақстандағы Қу 1-4, 6-7 тас дәуірі тұрақтарының материалдарын зерттеу	
<i>Аккошкарлова Ж.Т., Рахимжанова С.Ж., Тушева Е.К.</i> Изучение материалов стоянок каменного века Куу 1-4, 6-7 в Центральном Казахстане	
<i>Akkoshkarova Zh.T., Rakhimzhanova S.Zh., Tusheva E.K.</i> Study of materials from the stone age sites of Kuu 1-4, 6-7 in Central Kazakhstan.....	22
<i>Абильмаликов К.К., Байдалы Р.Ж., Шахшаков К.Г.</i> Археологические исследования на стоянке Талдысай-II в 2025 году	
<i>Әбілмәліков Қ.Қ., Байдалы Р.Ж., Шахшаков Қ.Г.</i> 2025 жылғы Талдысай-II тұрағындағы археологиялық зерттеулер	
<i>Abilmalikov K.K., Baidaly R.Zh., Shakshakov K.G.</i> Archaeological research at Taldysay-II site in 2025.....	34
<i>Қожа М.Б., Сиздинов Б.С., Әлімбекұлы Ә.</i> Особенности мечети Отрара конца XIV – начала XV в.	
<i>Қожа М.Б., Сиздинов Б.С., Әлімбекұлы Ә.</i> XIV ғасырдың аяғы – XV ғасырдың басындағы Отырар мешітінің ерекшеліктері	
<i>Khozha M.B., Sizdikov B.S., Alimbekuly A.</i> Features of the Otrar mosque of the late 14th – early 15th cc.....	45
<i>Усачук А.Н., Шишлина Н.И., Степанов И.А., Леонова Н.В.</i> Булавка из Краматорского могильника (Подонцовье). Результаты трасологического анализа	
<i>Усачук А.Н., Шишлина Н.И., Степанов И.А., Леонова Н.В.</i> Краматорск қорымынан табылған түйреуіш (Донец маңы). Трасологиялық талдау нәтижелері	
<i>Usachuk A.N., Shishlina N.I., Stepanov I. A., Leonova N.V.</i> A hammer-headed pin from the Kramatorsk burial ground (Podontsovye). The results of the trace-wear analysis.....	58
<i>Karazhigitova A.Ye., Janeyeva A.K.</i> History of studies and main results of research on medieval burial sites in Northeast Saryarka	
<i>Қаражігітова Ә.Е., Джанеева А.Қ.</i> Солтүстік-Шығыс Сарыарқадағы ортағасырлық жерлеу ескерткіштерін зерттеу тарихы мен негізгі нәтижелері	
<i>Қаражігітова А.Е., Джанеева А.Қ.</i> История изучения и основные результаты исследований погребальных памятников средневековья Северо-Восточной Сарыарки.....	69
<i>Sultanova A.K.</i> Stone sculptures in the Museum collection: issues of museification and exhibition	
<i>Сұлтанова А.К.</i> Музей коллекциясындағы тас мүсіндер: музейлендіру және экспозициялау мәселелері	
<i>Сұлтанова А.К.</i> Каменные изваяния в музейной коллекции: вопросы музеефикации и экспонирования.....	82
<i>Брынза Т.В.</i> В.Ф. Зайберт и его роль в изучении истории и археологии Северного Казахстана (по материалам газеты «Акмолинская правда»)	
<i>Брынза Т.В.</i> В. Ф. Зайберт және оның Солтүстік Қазақстан тарихы мен археологиясын зерттеудегі рөлі («Акмолинская правда» газеті материалдары бойынша)	
<i>Brynza T.V.</i> V.F. Zaibert and his role in the study of the history and archaeology of Northern Kazakhstan (based on materials from the newspaper “Akmolinskaya Pravda”).....	92

Этнология / Ethnology / Этнология

- Балтабай Д.Ө.** Әбілғазы Баһадүр хан шежіресінде кездесетін бірқатар этнонимдердің шығу тегі
Балтабай Д.А. Происхождение ряда этнонимов в шежере Абулгази Бахадур хана
Baltabay D.A. The origin of selected ethnonyms in the genealogy of Abulgazi Bahadur Khan..... 101
- Тастанбеков М.М., Байболов Б.Қ., Жүнісбаев Ұ.Д., Тұрсынов А.Х.** Қожа Ахмет Ясауи қабірінің жапқышы туралы зерттеулер
Тастанбеков М.М., Байболов Б.Қ., Жунисбаев Е.Д., Турсинов А.Х. Исследования покрывала гробницы Ходжи Ахмеда Ясави
Tastanbekov M.M., Baibolov B.K., Junisbaev E.D., Tursinov A.H. Research on the Pall of the Tomb of Khoja Ahmed Yasawi..... 113
- Байгаж А., Нурбаева А.М., Рустемова А. Е.** Традиционные игры с астрагалами тюрко-монгольского ареала: язык, норма и культурная память
Байгаж А., Нурбаева А.М., Рустемова А. Е. Түркі-моңғол ареалындағы асыққа байланысты дәстүрлі ойындар: тіл, норма және мәдени жады
Baigazh A., Nurbayeva A.M., Rustemova A. Ye. Traditional games with astragal in the turkic-mongolian region: language, norms and cultural memory..... 125

Тарих / History / История

- Бисенова Г.А., Отепова Г.Е., Болдыков Ж.Б.** Гималай асқан көш тарихы: Үндістан ұлттық архив құжаттары негізінде
Бисенова Г.А., Отепова Г.Е., Болдыков Ж.Б. История миграции казахов через Гималаи: на основе документов Национального архива Индии
Bissenova G.A., Oteпова G.E., Boldykov Zh.B. Migration history of Kazakhs through the Himalayas: based on documents from the National Archives of India..... 140
- Мырзаханов Ә.Е., Мұсағалиева А.С.** Шәкәрім Құдайбердіұлының ақталуы: жаңа деректерді талдау
Мырзаханов А.Е., Мусағалиева А.С. Реабилитация Шакарима Құдайбердиева: анализ новых данных
Myrzakhanov A.E., Musagalieva A.S. Shakarim Kudaiberdiyev's rehabilitation: analysis of new data..... 155
- Атдаев С.Дж., Атдаева О.Г.** Стражи туркменского общества XIX в. (до 1881 г.): ясаулы, ферраджи и караульные дозорные
Атдаев С.Дж., Атдаева О.Г. XIX ғ. (1881 жылға дейін) түрікмен қоғамының сақшылары: жасауылдар, феррадждар және қарауыл күзетшілері
Atdaev S.J., Atdaeva O.G. Guards of the Turkmen society of the 19th century (before 1881): yasavuls, ferrajs, and sentry guards..... 168
- Абсаликов А.А.** Генеалогия казахских ханов в «Ахсан ат -Таварих» Хасанбека Румлу (сравнительный анализ пяти рукописных списков и одного печатного издания)
Абсаликов А.А. Хасанбек Румлудың «Ахсан ат-Тауарих» еңбегіндегі қазақ хандарының генеалогиясы (бес қолжазба көшірмесі мен бір баспа басылымының салыстырмалы талдауы)
Absalikov A.A. The genealogy of Kazakh khans in Hasanbeg Rumlu's "Ahsan at-Tawarikh" (a comparative analysis of five manuscript copies and one printed edition)..... 180
- Мамытова С.Н.** The historical evolution of philanthropy in Kazakh society in the 19th – early 20th centuries
Мамытова С.Н. XIX–XX ғасырдың басындағы қазақ қоғамындағы меценаттықтың тарихи эволюциясы
Мамытова С.Н. Историческая эволюция меценатства в казахском обществе XIX – начала XX вв..... 191



<i>Akshanova A.M., Oteпова G.E., Shabambayeva A.G.</i> Historiographical discourse on the study of the korenizatsiia (indigenization) policy	
<i>Ақшанова А.М., Өтепова Г.Е., Шабамбаева А.Г.</i> Қазақстандағы жергіліктендіру саясатының тарихнамалық дискурсы	
<i>Ақшанова А.М., Отепова Г.Е., Шабамбаева А.Г.</i> Историографический дискурс политики коренизации в Казахстане.....	199

Музей ісі / Museology / Музейное дело

<i>Ибраева А.Ф., Пазылова Г.А.</i> Ұлттық тарихи-мәдени мұраны жаһандық дискурста ұсыну: халықаралық және әлемдік көрмелер тәжірибесі	
<i>Ибраева А.Г., Пазылова Г.А.</i> Представление национального историко-культурного наследия в глобальном дискурсе: опыт международных и всемирных выставок	
<i>Ibraeva A.G., Pazylova G.A.</i> Presenting national historical and cultural heritage in global discourse: the experience of international and world expositions.....	212
<i>Orazkulova K., Karibayeva G.</i> Museums, painting, and ideology in Soviet Kazakhstan	
<i>Оразкулова К. С., Карибаева Г.А.</i> Кеңестік Қазақстандағы музейлер, кескіндеме және идеология	
<i>Оразкулова К.С., Карибаева Г.А.</i> Музеи, живопись и идеология в советском Казахстане.....	233

Байгаж А.¹, *Нурбаева А.М.², Рустемова А. Е.¹¹Евразийский национальный университет имени Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан²Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Алматы, Казахстан

*e-mail: nurbaeva.aida@bk.ru

ТРАДИЦИОННЫЕ ИГРЫ С АСТРАГАЛАМИ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОГО АРЕАЛА: ЯЗЫК, НОРМА И КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ

Аннотация. . Статья посвящена сопоставительному этнолингвистическому описанию традиционных астрагальных игр тюрко-монгольского ареала (каз. *асық*, кирг. *ашык/чүкө*, монг. *шагай*) с фокусом на лексико-семантической организации игровой терминосистемы. Исходная позиция исследования заключается в том, что язык в данном комплексе функционирует не как вторичное описание практики, а как механизм нормативной регуляции: через номинации инвентаря и его статусных разновидностей, позиционные обозначения исходов, терминологию действий и регулятивную лексику фиксируются критерии допустимого действия, процедуры признания результата и распределение игрового преимущества. На материале казахской, кыргызской и монгольской традиций показано, что общность комплекса проявляется как функциональная эквивалентность: сопоставляются не только формальные соответствия (тип *асық* – *ашык/чүкө* – *шагай*, *алшы* – *алчы* – *алц*), но прежде всего роль единицы в игровом механизме. Установлено, что казахский материал демонстрирует выраженную предметно-иерархическую модель (в частности, оппозицию *сақа* – *кеней* и связь статуса предмета с функциональным «весом»), кыргызский – прагматическую устойчивость позиционной лексики и её фразеологизацию, монгольский – образно-символическую концептуализацию положений и тенденцию к институциональной стандартизации практик. Паремнологический и фразеологический слой подтверждает перенос игровых категорий в социальную семантику (удача, компетентность, авторитет), что позволяет трактовать *асық/ашык/шагай* как культурный механизм социализации и поддержания коллективной памяти.

Ключевые слова: Тюрко-монгольский регион, *асық-ашык/чүкө-шагай*, этнолингвистика, терминосистема, заимствованные слова, культурная память, позиционная лексика, нормативность, сопоставительный анализ.

Для цитирования: Байгаж А., Нурбаева А.М., Рустемова А. Е. Традиционные игры с астрагалами тюрко-монгольского ареала: язык, норма и культурная память // Мадени мұра. 2026. №1 (112). С. 125-139 (рус.)

DOI: <https://doi.org/10.47500/2026.v25.i1.11>

Введение

Традиционные игры с астрагалами (каз. *асық*, кирг. *ашык/чүкө*, монг. *шагай*) представляют собой устойчивый культурно-языковой комплекс тюрко-монгольского ареала, в котором предметный инвентарь, телесно закреплённые действия и языковая регламентация результата образуют единую нормативную систему. В отличие от игровых практик, где правило существует как ситуативная договорённость, косточно-игровой комплекс закрепляет норму

через терминосистему: номинации предметов и их статусов (*сақа*, *кеней*), положений кости (*алшы*, *тәйке*, *бүгел/бүк*, *шігел/шік* и др.), действий (*асық ату* и др.), а также устойчивые формулы оценки исходов и распределения права хода формируют «свернутый регламент» игры, обеспечивающий её воспроизводимость в сообществе без внешнего судейства (Тайжанов, Қасымбекова, 2004; Уақбаев, 2000). В этнолингвистическом аспекте это означает, что язык здесь выполняет не вторичную

описательную роль, а функцию культурного кода, который фиксирует допустимость действия, критерий «правильного» результата и механизмы коллективного признания исхода (Құралұлы, 2002).

Проблема изучения традиционных игр с астрагалами состоит в том, что при сравнительно широком этнографическом и педагогическом описании данных практик остаётся недостаточно разработанным именно лексико-семантический уровень, особенно в сопоставительной перспективе «казахский – киргизский – монгольский». На уровне публикаций часто доминирует перечисление разновидностей игр и правил, однако сравнительная реконструкция терминологических полей (инвентарь, позиции, действия, оценка исхода, статусные роли) остаётся фрагментарной, что затрудняет выявление общего семантического ядра комплекса и объяснение его устойчивости как формы культурной памяти (Тайжанов, Қасымбекова, 2004; Уақбаев, 2000). Между тем именно терминологическая организация позволяет описать внутренние механизмы традиции: как случайность дисциплинируется нормой, как результат отделяется от «просто события», и каким образом игроки обучаются распознавать и признавать исход как легитимный.

Казахская традиция особенно показательна в части предметной иерархии и технологизации игрового действия. Центральной единицей выступает *сақа* – ведущая кость, определяемая не только размером, но совокупностью функциональных признаков: массой (*салмақ*), балансом, «межемділік», удобством хвата и соответствием ведущей руке (*оңқай/солақай*). Таким образом, *сақа* функционирует как нормативно признанный «инструмент воздействия», а противопоставленная ей группа *кеней* оформляет класс обычных асықов, выступающих целями и ставками, через которые реализуются выигрыш, накопление и потеря (Тайжанов, Қасымбекова, 2004). В этнолингвистической перспективе здесь важен сам принцип: статус предмета задаётся не эстетикой и не «крупностью» как таковой, а пригодностью к действию и способностью обеспечивать предсказуемый результат. Это превращает предметную систему игры в модель функционального старшинства

и эффективности, которая затем легко переносится на социальные представления о «салмақ/авторитет» и признании лидерства (Құралұлы, 2002; Уақбаев, 2000).

Дополнительную значимость для анализа имеет слой допустимых модификаций предмета и связанная с ним терминология. Фиксация обработанных форм и их названий свидетельствует, что традиция не просто допускает «улучшение инструмента», но регулирует его, задавая границы легитимности через коллективную норму и язык. В подобных ситуациях важно не то, что предмет изменён, а то, что изменение признаётся «по правилам», становится повторяемым и, следовательно, получает терминологическое закрепление (Уақбаев, 2000). Тем самым асық-культура демонстрирует рациональность: случайность не «воспевается», а контролируется; результат не «выпадает», а производится в рамках нормы, где язык выступает ключевым механизмом закрепления этих рамок.

Киргизская линия представляет сопоставимый, но не тождественный тип организации. Здесь ядро строится вокруг номинаций *ашык/чүкө* и позиционной лексики (*алчы, таа, бөгө, чиге*), которая выполняет роль шкалы результата и процедурного кода распределения хода. Показательно, что наиболее выигрышное положение фиксируется устойчивыми речевыми формулами типа «асыгы алшы турду», где позиция кости уже не просто обозначение исхода, а готовая модель оценки «удача/успех», закреплённая в речи и способная функционировать за пределами игры (Нурмаханов, 1998). Тем самым киргизский материал особенно важен для анализа прагматической силы позиционных терминов: назвать положение – значит задать решение о ходе, оценке и преимуществе.

Монгольская традиция (*шагай*) демонстрирует типологическое сходство по базовой структуре, но отличается способом концептуализации исходов и уровнем институционализации. Позиционная система строится через зооморфные номинации (*морь, хонь, тэмээ, ямаа*), что придаёт положениям кости образный характер и облегчает символическое расширение значений. Одновременно шагай существует не только как бытовая игра, но и как организованная соревновательная практика (*шагайн харваа*), где

фиксируются стандартизированные элементы инвентаря и регламента. Для этнолингвистики это важно потому, что показывает, как единая предметная основа может разворачиваться в разные режимы культурного существования – от детской игры до соревновательной дисциплины – при сохранении базового принципа: «позиция – оценка – действие – признание» (Цэвэл, 1966). Историческая глубина комплекса подтверждается также письменной традицией, где лексемы и описания практик фиксируются в памятниках культуры, что свидетельствует о долговременной культурной памяти игры (Цэвэл, 1966; «Монголын нууц товчоо», 2004).

Сопоставительное рассмотрение казахского, киргизского и монгольского материала позволяет реконструировать общее семантическое ядро комплекса: наличие ведущего инструмента или ведущей функции воздействия (в казахской традиции – предметно выраженная *сақа*, в киргизской – функционально выделяемая ведущая кость, в монгольской – регламентированный соревновательный режим), наличие позиционной системы как шкалы результата, наличие процедурных сценариев действий и правил признания исхода, а также наличие языковых механизмов защиты нормы от произвольной интерпретации. При этом различия касаются преимущественно способов языковой репрезентации: казахская линия демонстрирует предметно-иерархическую модель и сильную социально-нормативную проекцию через понятие «салмақ»; киргизская – высокую устойчивость позиционной терминологии и её фразеологизацию; монгольская – образную (зооморфную) интерпретацию исходов и институционализированное существование шагай-практик (Тайжанов, Қасымбекова, 2004; Нурмаханов, 1998; Цэвэл, 1966; Уақбаев, 2000).

Актуальность исследования усиливается современным контекстом: традиционные игры с астрагалами всё чаще включаются в образовательные и культурно-просветительские практики, где возникают процессы стандартизации и «официального» описания игры. В таких условиях особенно важно различать внешнюю реконструкцию правил и сохранение внутренней смысловой структуры традиции. Без этнолингвистического анализа возможно «сведение» комплекса к набору бросков и технических действий,

тогда как культурная устойчивость традиции обеспечивается именно тем, что термины и устойчивые формулы сохраняют нормативный каркас: кто и почему получает преимущество, что считается правильным результатом, какие исходы подлежат аннулированию и каким образом достигается коллективное согласие (Құралұлы, 2002; Уақбаев, 2000). Таким образом, исследование терминосистемы становится не вспомогательным, а принципиальным условием корректного описания и сохранения традиционных практик.

Методологически продуктивным является также обращение к смежным евразийским традициям косточных игр. Например, этнолингвистическое описание терминологического ряда игры в альки у калмыков показывает, что вариативность номинаций, связь терминов с практиками и их культурной функциональностью могут быть исследованы как системный лексико-семантический объект, что задаёт релевантный сравнительный фон для триады «казахский – киргизский – монгольский» (Монраев, 2022). Такое расширение рамки подтверждает, что косточно-игровые практики являются общеевразийским феноменом с устойчивыми механизмами языкового кодирования нормы и культурной памяти.

Косточно-игровой комплекс рассматривается как форма регламентированного социального взаимодействия, где соревновательность соединяется с распределением статуса, контролем случайности и процедурами коллективного признания результата. В этом смысле игра выступает механизмом социализации: она формирует у участников представления о справедливости, ответственности, компетентности и легитимности лидерства, а языковые средства фиксируют и передают эти модели в устойчивом виде (Құралұлы, 2002; Уақбаев, 2000).

Цель исследования – выявить и описать общие и специфические черты лексико-семантической организации традиционных косточных игр у казахов, кыргызов и монголов (*асық / ашык / шагай*) и показать, как через терминологию инвентаря, положений и игровых действий формируется культурно значимая модель норм, иерархий и ценностей.

Задачи исследования:

1. Сформировать и систематизировать сопоставимый лексический материал по трём традициям (казахской, кыргызской, монгольской), выделив ключевые тематические группы: инвентарь и виды асықов, положения косточки, типы игр и названия игровых действий.

2. Провести сравнительно-семантический анализ базовых соответствий и терминологических рядов (напр. асық – ашық – шагай; алшы – алчы – алц и др.), определить зоны совпадения/расхождения и объяснить их через культурно-исторические и функциональные факторы.

3. Установить символично-нормативные значения, закреплённые в лексике и паремиологии (фразеология, пословицы, устойчивые формулы), и показать, как игровая терминология моделирует представления о статусе, мастерстве, удаче и социальной регуляции.

Таким образом, сопоставительный анализ лексико-семантической организации *асық / ашық / шагай* позволяет рассматривать косточно-игровой комплекс как устойчивую культурно-языковую систему, в которой через терминологию закрепляются нормы действия, оценки результата и социального признания. Различия в способах языковой репрезентации в казахской, киргизской и монгольской традициях не нарушают целостности общего семантического ядра, обеспечивающего воспроизводимость и культурную преемственность игры. Это определяет необходимость системного этнолингвистического исследования терминосистемы как ключевого механизма сохранения и трансляции традиционной игровой практики.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили лексические единицы и устойчивые формулы, функционирующие в традиционных астральных играх тюрко-монгольского ареала в трёх языках: казахском (асық), кыргызском (ашық/чүкө) и монгольском (шагай). В материал включены: номинации инвентаря и статусных разновидностей кости (в т.ч. оппозиция сақа – кеней и названия по происхождению/ценности), обозначения положений кости (алшы, тэйке, бүге/бүк, шіге/шік, омпай др. и их межъязыковые

параллели), наименования игровых действий и приёмов, а также регулятивная лексика порядка игры и паремиологические/фразеологические единицы, где игровые термины закрепляют оценку исхода и модель статуса. Источниковую базу составили этнографические фиксации и лингвистические описания, обеспечивающие проверку значений и вариантности терминов, а также работы, отражающие современное бытование и нормативизацию практик (Потанин, 1881; Цэвэл, 1966; Монраев, 2022; Zhamsranzhav, 2022; Bukeshova, Kerimbayeva, 2020; Bulag, Fuerwa, 2022).

Методы исследования включали сопоставительный лексико-семантический анализ и функционально-эквивалентное сопоставление: соотнесение единиц проводилось по их роли в игровом механизме (статус предмета, ранжирование исходов, допустимость действия, процедура признания результата), а не только по формальному сходству. Для устойчивых формул и пословиц применялся контекстуально-прагматический анализ, позволяющий установить закреплённые оценочные значения и перенос игровых категорий в социальную семантику.

Анализ

В системе лексики, связанной с традиционной игрой в асық, формируется многоуровневое семантическое пространство, в котором предметные, процессуальные и символические значения находятся в устойчивом взаимодействии. Центральное место в данной системе занимает базовая номинация *асық*, соотносящаяся с киргизским *ашық* и монгольским *шагай*. Уже на уровне этих соответствий прослеживается общая тюрко-монгольская основа, отражающая древность и культурную устойчивость игрового комплекса (Потанин, 1881; Zhamsranzhav, 2022).

Лексема *асық* в казахской традиции функционирует не только как наименование предмета, но и как семантический центр, вокруг которого формируется разветвлённая система вторичных номинаций. В языке закреплены такие формы, как *сақа*, *кеней*, *құлжа*, *қойлақ*, *шүкейт*, *сомпа*, *ешкімек*, каждая из которых отражает определённые параметры: происхождение, размер, массу, функциональную роль. Подобная классификация демонстрирует, что игровая терминология строится по принципу



функционально-ценностной дифференциации, в которой предмет наделяется не только физическими, но и социально значимыми характеристиками.

Особое значение в системе имеет противопоставление *сақа* – *кеней*. Лексема *сақа* обозначает наиболее крупный, салмақты, межемді асық, предназначенный для активного воздействия на игровое поле. В паремиологическом материале она регулярно соотносится с идеей зрелости, силы и авторитета: *сақадай сай, сақаның жақсысы – қолыңа қолайлысы*. Подобная семантика подтверждает вывод Монраева (Монраев, 2022) о том, что в тюрко-монгольских традициях ударная косточка приобретает символический статус «управляющего элемента».

В противоположность этому *кеней* репрезентирует массовый, рядовой компонент игры. Он маркирует зону случайности и соревновательной неопределённости. В результате внутри системы формируется иерархическая модель, воспроизводящая социальные оппозиции «ведущий – ведомый», «центр – периферия». Аналогичная структура наблюдается и в монгольской традиции, где центральные элементы стрельбы в *шагайн харваа* выполняют сходные функции (Bulag, Fuergwa, 2022).

Номинации, связанные с зоологическим происхождением асықов (*қойлақ, құлжа, қолқар, ешкімек*), демонстрируют тесную связь игровой лексики с хозяйственной картиной мира. Названия фиксируют принадлежность косточки к определённому виду животного и одновременно кодируют её престижность. Так, *құлжа* и *қолқар* маркируются как особенно ценные, тогда как *қойлақ* воспринимается как нейтральный. Данный принцип соответствует наблюдениям Потанина (Потанин, 1881), отмечавшего сакрализацию отдельных видов костей у кочевых народов.

Семантическая стратификация проявляется и в системе обозначения положения асықов. В традиции последовательно функционируют формы *алшы, тәйке, бүге, шіге, омпа, сомпа, қынжы*. Эти единицы образуют упорядоченную модель пространственной ориентации, в которой каждому положению приписывается определённый статус. *Алшы* обладает наивысшей ценностью, *тәйке* – вторичной, *бүге* и *шіге* – пониженной.

Фразеологический материал подтверждает устойчивость данной иерархии: выражение *асығы алшысынан түсті* интерпретируется как метафора удачи и социального успеха. В киргизской традиции аналогичную функцию выполняет формула *асыкы алчы турду*, а в монгольской культуре позиция *алц* также маркируется как благоприятная (Сагайдачная, 2017). Это свидетельствует о межкультурной стабильности семантической модели.

Процессуальная лексика образует самостоятельный пласт терминологии. В системе закреплены такие формы, как *қаршу, алақан, жалақ, төрт бұрыш, алмастыру, үндемес, қақпақыл, шііріп ату*. Эти номинации фиксируют конкретные моторные схемы и тактические приёмы. Их структурная организация показывает, что игра кодируется как система формализованных действий, передающихся в рамках традиции.

Сопоставление с монгольским материалом выявляет параллельные формы: *шагай шүүрэх, няцлах, шагай авах, нууцгай барих*. В киргизской традиции сходные функции реализуются через *айкур, ордо, чукё*. Несмотря на формальные различия, семантическое ядро остаётся общим и связано с управлением траекторией, контролем ритма и минимизацией случайности.

Особый интерес представляет лексика нормативного контроля игрового процесса: *кезек, көйт, қора, сөре, мәре, қарақшы*. Эти единицы формируют терминологию регламентации, определяющую порядок действий и распределение ролей. Их наличие свидетельствует о высокой степени институционализации игры, что сближает её с формами традиционного спорта (Bukeshova, Kerimbayeva, 2020).

Показательно, что данные термины активно функционируют и в переносных значениях. Так, *кезек* используется в общеязыковом дискурсе как маркер социальной очередности, а *мәре* – как символ финального результата. Это указывает на проникновение игровой модели в более широкую языковую картину мира.

Паремиологический и фразеологический пласт дополняет предметно-процессуальную систему ценностными смыслами. Пословицы «*Асықты асық деме, салмағы бар болса, сақа болар*», «*Баланы бала деме, ақылы бар болса, аға болар*» демонстрируют перенос игровой иерархии на социальные отношения. Аналогичные

механизмы описаны Монраевым (Монраев, 2022) для калмыцкой традиции, где терминология альчиков используется для характеристики личности.

В монгольской культуре сходную функцию выполняют титулы *мэргэн*, закрепляющие игровую компетентность как форму социального капитала. Тем самым подтверждается вывод Zhamrsanzhav (Zhamrsanzhav, 2022) о том, что асық / шагай функционирует как медиатор между игровой практикой и социальной структурой.

В народном сознании косточка наделяется особым статусом, выходящим за пределы утилитарного назначения. В казахской традиции асық включается в систему обереговых и ритуальных практик, связанных с рождением ребёнка и защитой семьи. В монгольской культуре шагай используется в гадательных практиках (*аз үзэх мэргэ*), где положение косточек интерпретируется как знак будущих событий (Bulag, Fuerwa, 2022). В киргизской традиции *ашык* воспринимается как носитель удачи (Rysmendeeva, 2016).

Физические свойства косточки – плотность, устойчивость, форма – связываются с представлениями о человеческой надёжности и социальной состоятельности. Это отражается в выражениях *киіктің асығындай шымыр, сақадай сай, алыш түсу*, где материальные характеристики предмета переносятся в сферу моральных оценок.

Воспитательный потенциал асық-игр проявляется через систему игровых форм, требующих концентрации внимания, точности движений и способности к самоконтролю. Формы *бірлік, екілік, үштік, төрттік, қаршу, алақан* формируют навыки пространственной ориентации, стратегического мышления и телесной дисциплины. Аналогичные функции выполняют киргизские и монгольские практики, что указывает на общую модель когнитивно-моторной социализации.

Исторические источники свидетельствуют о том, что косточные игры выполняли коммуникативные функции уже в средневековый период. Описания Потанина (Потанин, 1881) и сведения из «Сокровенного сказания монголов» фиксируют использование шагай как символа союза и доверия. В казахской традиции иіру асық использовалось как способ символического разрешения конфликтов,

переводя спор в пространство коллективного решения.

Современные формы институционализации асық-комплекса – соревнования, образовательные программы, культурные проекты – свидетельствуют о трансформации традиции в элемент культурной политики при сохранении её внутренней логики.

Сопоставление казахской, киргизской и монгольской традиций демонстрирует устойчивость базовой модели. Соответствия *алшы – алчы – алц, бүге – бөгө – бөх, шіге – чиге – цэх, тэйке – таа – таа* отражают единую систему пространственной ориентации косточки и указывают на глубинное единство когнитивных схем.

Таким образом, система терминов асық ойыны представляет собой организованную модель, в которой предметные, пространственные, процессуальные и оценочные компоненты образуют единое смысловое поле. Это поле воспроизводит базовые категории традиционной культуры: иерархию, престиж, ответственность, соревновательность и нормативность.

Тем самым терминсистема, объединяя статус предмета, положение кости и правила признания результата, обеспечивает сохранение *асық/ашык/шагай* как устойчивого культурного механизма в меняющихся социальных условиях. Асық / ашык / шагай предстает как многоуровневый культурный феномен, объединяющий игровое, ритуальное, воспитательное, коммуникативное и символическое измерения. Его устойчивость обеспечивается способностью адаптироваться к изменяющимся социальным условиям при сохранении смыслового ядра и механизмов культурной преемственности.

Существенным аспектом функционирования косточно-игрового комплекса является соотношение индивидуального мастерства и коллективного контроля. Несмотря на внешнюю простоту игры, её внутренняя структура предполагает постоянное согласование личной инициативы с нормативными ожиданиями группы. Лексика, фиксирующая ошибки, нарушения и неудачные ходы (*қате, омп ойын бұзар, құлатты, өтпеді*), отражает механизм символического санкционирования, направленный на поддержание справедливости и доверия между участниками.



В казахской традиции особое значение придаётся соблюдению негласных правил честной игры. Нарушение последовательности (*кезек бұзу*), неправильное использование сака или преднамеренное искажение позиции рассматриваются не только как технические ошибки, но и как проявления недостатка нравственной зрелости. В этом контексте игровая практика функционирует как форма морального воспитания, в рамках которой ребёнок усваивает представления о допустимом и недопустимом поведении.

Аналогичные механизмы обнаруживаются в киргизской и монгольской среде. В киргизских описаниях игр подчёркивается важность соблюдения *унай* и правил *ордо*, а в монгольской традиции нарушение норм шагайн харваа может привести к временной изоляции игрока от соревнований. Таким образом, игровые санкции выполняют функцию социальной коррекции, формируя навыки саморегуляции и ответственности.

Важным компонентом семантической системы является категория удачи (*бақ, құт, аз*), тесно связанная с результатами игры. В языковом материале фиксируется устойчивая связь между успешным броском и представлениями о благосклонности судьбы: *бақ қонды, жолы болды, алшысы оңынан туды*. Подобные формулы демонстрируют, что результат интерпретируется не исключительно как следствие мастерства, но и как проявление внешней силы, регулирующей жизненный порядок.

В монгольской культуре данная установка особенно ярко проявляется в гадательных практиках с шагай, где случайность осмысливается как форма сакрального сообщения. Однако и в повседневной игре элементы предсказания сохраняются: удачная серия бросков может рассматриваться как знак будущего благополучия. Тем самым игра включается в более широкий комплекс народных представлений о судьбе и предназначении. Категория телесного опыта занимает центральное место в структуре асық-игр. Процесс освоения игры предполагает формирование устойчивых моторных паттернов: специфического положения пальцев, регулирования силы удара, контроля дыхания и ритма движений. Эти навыки закрепляются в языке через термины *оңқай, солақай, ұстас, қапсыра ұстау, саусақ салу*, отражающие тонкую

дифференциацию телесных техник.

Подобная телесная специализация формирует особый тип «практического интеллекта», основанного на синтезе ощущений, памяти и прогнозирования. Успешный игрок способен мгновенно оценивать расстояние, угол удара и возможную траекторию, что свидетельствует о развитии пространственного мышления. В этом отношении асық-игры выступают как естественная форма сенсомоторного обучения.

Особое значение имеет гендерный аспект игровой культуры. Традиционно асық ассоциировался преимущественно с мужским досугом, связанным с подготовкой к охоте, воинскому ремеслу и физической выносливости. Однако в ряде регионов зафиксировано активное участие девочек в формах *бес асық, алақан, қаршу*, что свидетельствует о более гибком распределении ролей. Лексика данных игр отражает ориентацию на ловкость, точность и координацию, а не исключительно на силу.

Возрастная стратификация также находит отражение в терминологической системе. Детские формы характеризуются упрощённой структурой и минимальным количеством правил, тогда как подростковые и взрослые игры предполагают высокую степень тактической сложности. Переход от простых форм к сложным моделям символизирует процесс социального взросления, сопровождаемый расширением ответственности и автономии.

В пространственном отношении асық-игры формируют особую модель освоения среды. Термины *шеңбер, сөре, мәре, қала* фиксируют структурирование игрового пространства, в котором каждая зона обладает собственной функцией. Это пространственное кодирование способствует развитию ориентации и пониманию границ допустимого действия. Интерес представляет и акустический аспект игры. Термины *сарт-сұрт, үндемес, дыбыс шығармау* указывают на регламентацию звукового поведения. Контроль шума становится частью дисциплины, направленной на формирование сосредоточенности и уважения к сопернику. Таким образом, даже звуковая среда включается в систему воспитательных механизмов. Семиотический анализ показывает, что асық выполняет функцию медиатора между поколениями. Передача навыков происходит преимущественно в форме наблюдения,

подражания и устных комментариев. Лексика объяснений, подсказок и поощрений формирует особый педагогический дискурс, в котором старшие выступают носителями культурной памяти.

В условиях модернизации и цифровизации традиционные формы игры сталкиваются с конкуренцией со стороны виртуальных развлечений. Однако сохраняющаяся популярность асық-игр свидетельствует об их адаптивности. Современные турниры, школьные кружки и культурные проекты трансформируют форму, не разрушая смысловое ядро. В языке это отражается через появление новых контекстов употребления традиционных терминов. Институционализация игры сопровождается процессом стандартизации терминологии. Официальные правила, методические пособия и учебные программы фиксируют нормы употребления, что способствует стабилизации лексической системы. Вместе с тем сохраняется диалектная вариативность, отражающая региональные особенности и локальные традиции.

Социально-коммуникативная функция игры проявляется и в формировании сетей неформального взаимодействия. Совместные игры создают устойчивые микрогруппы, основанные на доверии и взаимном признании. Лексика дружбы, соперничества и примирения, сопровождающая игровые процессы, способствует развитию эмпатии и социальной чувствительности. Особого внимания заслуживает феномен символического обмена асықами. Дарение, обмен и совместное хранение косточек функционируют как знаки дружбы, союзничества и уважения. В монгольской традиции подобные практики фиксируются в исторических источниках, а в казахской среде сохраняются в форме детских и подростковых ритуалов.

В целом дополнительный анализ показывает, что косточно-игровой комплекс не сводится к сфере досуга. Он формирует целостную модель социализации, объединяющую телесный опыт, когнитивное развитие, моральное воспитание и символическую коммуникацию. Через язык, практику и коллективную интерпретацию асық становится инструментом воспроизводства культурной идентичности.

Результаты

Полученные результаты показывают, что

лексика традиционных астрагальных игр в казахском, кыргызском и монгольском языках формирует не разрозненный «тематический словарь», а внутренне организованную терминосистему, которая удерживает и воспроизводит норму игры. В сопоставляемом материале фиксируется устойчивая структура: предметная номинация и её статусные разновидности, позиционная шкала исходов, процессуальные обозначения действий и приёмов, а также регулятивная лексика, задающая порядок и легитимность результата. Существенно, что именно язык выполняет роль «свернутого регламента»: терминологические единицы одновременно называют элементы игрового мира и задают правила распознавания правильного/неправильного действия, допустимого/недопустимого исхода, справедливого распределения преимущества и права хода. Это позволяет объяснить культурную устойчивость комплекса: традиция держится не на внешнем «пересказе правил», а на том, что правило встроено в язык и передаётся через привычные номинации, формулы и оценочные конструкции, подтверждая наблюдения о нормативной функции традиционной терминологии в кочевых культурных практиках (Потанин, 1881; Zhamsranzhav, 2022; Монраев, 2022).

Сопоставление показало, что общность комплекса проявляется прежде всего как функциональная эквивалентность, а не как механическое совпадение форм. Соответствия типа асық–ашық/чүкө–шагай/алшы–алчы–алц важны не только как межъязыковые параллели, но как индикаторы единого принципа: положение кости и статус предмета выступают языково оформленными маркерами результата. В казахской традиции особенно отчётливо проявляется предметно-иерархический механизм через оппозицию сақа – кеней, где сакрально и прагматически выделенная сақа оказывается «инструментом воздействия», а кеней – зоной ставки, цели и ресурса, через которую реализуются выигрыш, накопление и потеря. Принципиально, что семантика здесь не сводится к «большой/маленький»: в материалах закреплён функциональный набор признаков ведущего предмета, связанный с удобством хвата, массой, балансом, соответствием ведущей руке (оңқай/солақай) и способностью обеспечивать контролируемый результат. Тем самым обнаруживается ключевой для



этнолингвистического описания момент: статус предмета выводится из пригодности к действию, а «вес» предмета в игре концептуально срастается с идеей «салмак» как значимости и авторитета, что затем разворачивается в социальную метафорику и ценностные оценки (Құралұлы, 2002; Тайжанов, Қасымбекова, 2004; Уақбаев, 2000). В кыргызском материале, напротив, сильнее проявляется прагматика исхода: устойчивые формулы типа «асыкы алчы турду» показывают, что позиционная лексика функционирует как готовая модель оценки удачи и успеха, легко переходящая в общеязыковое употребление, где исход игры становится языковой матрицей для описания жизненного «везения» (Нурмаханов, 1998). Монгольская традиция демонстрирует сходство по базовой логике, но отличается способом концептуализации положений и степенью институционализации: зооморфные номинации положений шагай придают результату образную наглядность и усиливают символическое расширение значений, а существование соревновательных форм шагайн харваа показывает, что внутренняя нормативность комплекса может переходить в режим официальной дисциплины без разрушения смыслового ядра (Цэвэл, 1966; Bulag, Fuerwa, 2022). В результате становится видно, что при едином структурном принципе разные традиции акцентируют разные «носители нормы»: казахская линия – предметную иерархию и функциональный «вес» инструмента, кыргызская – оценочную силу позиционной лексики и фразеологизацию результата, монгольская – образно-символическую модель исходов и институциональную стандартизацию практики.

Отдельно значимым результатом является выявление того, что позиционные термины выполняют роль шкалы результата, которая действует как культурно закреплённый механизм различения «успешного» и «неуспешного» исхода. Само называние положения кости не просто фиксирует наблюдаемое состояние, а запускает нормативное решение о преимуществах и продолжении хода: язык в буквальном смысле превращает физический факт (как упала кость) в социально признанный результат. Именно этим объясняется высокая устойчивость фразеологических формул с позиционными терминами и их активная метафоризация: выражение «асыгы

алшысынан түсті» функционирует как знак удачи, потому что в игре алшы является языково закреплённой верхней точкой ранга исходов; кыргызское «асыкы алчы турду» демонстрирует ту же прагматику; монгольские фиксации позиционной лексики и её словарная кодификация подтверждают глубину традиции и её терминологическую устойчивость (Цэвэл, 1966; Сагайдачная, 2017). Тем самым анализ подтверждает: позиционная система не вторична, она является одним из центральных механизмов культурной воспроизводимости игры.

Не менее важным результатом стало уточнение роли процессуальной лексики как языка телесной технологии. Термины действий и приёмов фиксируют не «движение вообще», а движение как норму: они задают повторяемые сценарии, различают точность и ошибку, определяют тактику и допустимость исполнения. Это позволяет рассматривать терминосистему как форму передачи навыка: через именование приёма традиция сохраняет модель действия и делает её воспроизводимой. Сопоставление казахских номинаций приёмов с монгольскими обозначениями действий и режимов исполнения показывает не буквальные совпадения, а общий тип семантической организации: в обоих случаях язык описывает действие через его результативность, контролируемость и соответствие норме игры. Параллельно регулятивная лексика – термины порядка, границ, очередности и признания результата – демонстрирует высокий уровень «игрового права»: исход должен быть не только получен, но и признан, а признание обеспечивается устойчивыми языковыми средствами. Именно этот слой объясняет, почему косточные игры легко входят в современные образовательные и культурные программы: комплекс уже имеет внутреннюю структуру нормы, и институционализация лишь «переписывает» её в другой жанр, не создавая заново (Bukeshova, Kerimbayeva, 2020).

Важным итогом сопоставления является также подтверждение того, что хозяйственно-экологический опыт встроен в терминологию через зоологические и предметные маркеры. Номинации, связанные с происхождением косточек и их престижностью, фиксируют не только материал, но и оценку: косточка «говорит» о качестве, прочности, «весе», пригодности к роли. Это даёт основание

трактовать терминосистему как часть языковой картины мира, где материальная культура, телесное действие и социальная оценка образуют единый смысловой контур. Здесь особенно показательны случаи, когда физические свойства кости напрямую переходят в оценку человека и его статуса, формируя устойчивые метафорические модели, что согласуется с этнолингвистическими наблюдениями о способности игровых терминов функционировать как ресурсы социальной характеристики (Құралұлы, 2002; Уақбаев, 2000; Монраев, 2022). Таким образом, полученные результаты подтверждают, что асық / ашық / шағай является не только игровым инвентарём, но семиотическим инструментом культурного воспроизводства: через язык фиксируются правила, ценности и сценарии признания компетентности.

Заклячая, следует подчеркнуть, что проведённый анализ позволил описать традиционные астрагальные игры тюрко-монгольского ареала как устойчивый культурно-языковой комплекс, в котором терминосистема выполняет роль механизма нормативной регуляции и коллективной памяти. На уровне сопоставления казахского, кыргызского и монгольского материала установлено, что общность комплекса обеспечивается единым принципом «позиция – оценка – действие – признание», где результат становится социальным фактом только после языковой фиксации и согласования. Различия между традициями касаются прежде всего способов репрезентации нормы: казахская традиция демонстрирует предметно-иерархическую модель и выраженную социально-нормативную проекцию через категорию функционального «веса» ведущего предмета; кыргызская традиция выявляет особую устойчивость позиционной лексики и её фразеологизацию как модели удачи и успеха; монгольская традиция выделяется зооморфной концептуализацией исходов и институциональной разверткой практик шағай в соревновательном режиме, что усиливает видимость регламента и роль стандартизации (Потанин, 1881; Zhamsranzhav, 2022; Цэвэл, 1966; Bulag, Fuerwa, 2022). Тем самым подтверждается, что язык в данном комплексе выполняет не описательную, а нормативно-кодирующую функцию: он закрепляет допустимость действия и легитимность результата, обеспечивает

воспроизводимость практики и её культурную устойчивость.

Практическая значимость полученных результатов состоит в том, что этнолингвистическое описание терминосистемы позволяет корректнее понимать современные процессы «возрождения» и институционализации традиционных игр. При включении асық / шағай-практик в образовательные и культурные программы сохраняется риск упрощения комплекса до набора бросков и технических правил, тогда как культурная устойчивость традиции обеспечивается именно языковыми механизмами регламентации и признания. Следовательно, сохранение и передача игры требуют сохранения её терминологического ядра, включая позиционные шкалы, статусные различия инвентаря, процессуальные названия приёмов и устойчивые оценочные формулы. Теоретически результаты расширяют представление о том, как в традиционных практиках язык формирует «социальную технологию» контроля случайности, распределения преимуществ и воспроизводства справедливости, а также подтверждают, что косточные игры представляют собой общевосточный феномен, в котором лексика выступает ключевым носителем нормы и культурной памяти (Монраев, 2022; Zhamsranzhav, 2022).

Закключение

Проведённый анализ подтверждает, что традиционный косточно-игровой комплекс асық / ашық(чүкө) / шағай представляет собой не «набор слов о детской игре», а устойчиво организованную лексико-семантическую систему, где язык выполняет функцию внутреннего регламента. Термины здесь работают как инструмент коллективного согласования: они не просто называют предметы и действия, а задают, что считается правильным ходом, каким образом фиксируется результат, по каким признакам распределяется преимущество и почему исход признаётся легитимным. Именно поэтому комплекс воспроизводим без внешнего судейства: нормативность встроена в терминосистему и поддерживается привычными формулами, оппозициями и оценочными моделями, закреплёнными в речи (Құралұлы, 2002;

Тайжанов, Қасымбекова, 2004; Уақбаев, 2000).

Сопоставительное рассмотрение казахско-го, кыргызского и монгольского материала позволило выявить общее семантическое ядро комплекса и одновременно показать, что «общность» проявляется прежде всего как функциональная эквивалентность. Базовые соответствия типа асық – ашық/чүкө – шагай и алшы – алчы – алц важны не только как историко-контактные параллели, но как показатель единого принципа: положение кости, статус предмета и результат игры осмысляются через языково оформленную шкалу исходов, которая превращает физическое событие (как упало) в социально признанный факт (что это значит и что теперь делать). В этом смысле позиционная лексика выступает центральным механизмом «производства результата» и объясняет устойчивость метафорических переносов: формулы удачи и успеха возникают не случайно, а потому что в игре положение кости уже является языковой моделью успеха, закреплённой процедурой оценки и распределения преимущества (Нурмаханов, 1998; Цэвэл, 1966; Сагайдачная, 2017).

Внутри общей модели выявлены различающиеся акценты трёх традиций, и эти различия не разрушительны, а объяснимы через способы языковой репрезентации нормы. Казахская линия демонстрирует наиболее выраженную предметно-иерархическую организацию, где оппозиция сақа – кеней задаёт модель «инструмент воздействия – объект/ставка», а категория функционального «веса» (салмақ) связывает телесную технологию владения предметом с социальными смыслами авторитета и компетентности. Кыргызская линия особенно показательна прагматикой исхода: позиционные термины и связанные с ними формулы выступают как готовые матрицы оценки, легко выходящие за пределы игры и становящиеся средствами описания жизненного везения, успеха, правильного момента. Монгольская традиция сохраняет ту же базовую логику, но выделяется зооморфной концептуализацией положений шагай и высокой степенью институционализации в соревновательных форматах, где нормативность комплексно фиксируется и стандартизируется, не отменяя культурной основы (Потанин, 1881;

Zhamsranzhav, 2022; Bulag, Fuerwa, 2022).

Отдельно значимо, что лексика действий и приёмов фиксирует игру как телесно-технологическую практику, а не как спонтанный досуг. Термины обозначают не «движение вообще», а нормативно различимые сценарии выполнения, позволяющие традиции передавать навыки как культурный капитал: точность, контроль силы, управление случайностью, ответственность за результат. Регулятивные единицы (очередность, границы, зоны, порядок признания) оформляют игровую коммуникацию как форму «обычного права», в котором справедливость обеспечивается не авторитетом внешнего арбитра, а стабильными языковыми процедурами. Паремнологический и фразеологический пласт, в свою очередь, демонстрирует, что терминология не замкнута в игре: она работает как ресурс социальной оценки, переводя игровые категории в модели описания лидерства, статуса, мастерства и авторитета, что подтверждает этнолингвистическую значимость комплекса как механизма передачи ценностей (Монраев, 2022; Құралұлы, 2002; Уақбаев, 2000).

Тем самым исследование показывает, что устойчивость и «живучесть» асық/ашық/шагай-традиций обеспечиваются не только культурной памятью и практикой, но и внутренней структурой языка, который удерживает норму, делает её узнаваемой и воспроизводимой. Практическая значимость результата состоит в том, что при современной популяризации и включении таких игр в образовательные и культурные проекты ключевым условием сохранения традиции становится сохранение её терминологического ядра: без него игра неизбежно редуцируется до набора бросков и технических инструкций, теряя собственную культурную логику признания исхода и распределения статуса. Следовательно, корректное описание и трансляция традиционных астрагальных игр должны опираться на терминосистему как на центральный объект фиксации, поскольку именно в ней «свернута» норма, а вместе с нормой – культурные смыслы и ценности, которые делают комплекс частью устойчивой тюрко-монгольской языковой картины мира (Тайжанов, Қасымбекова, 2004; Bukeshova, Kerimbayeva, 2020).

Литература

1. Bulag, U. E., & Fuerwa, D. 2022. SHAGAI: Traditional Games and Fortune-Telling with Ankle Bone. Kalmyk Cultural Heritage Documentation Project, University of Cambridge. <https://doi.org/10.17863/CAM.110085>
2. Bukeshova S., Kerimbayeva R., 2020. Using the game asyk as a means against gadgets in children // Pedagogy and Psychology (Abai University). No. 2(43). P. 243–249. DOI: 10.51889/2020-2.2077-6861.33.
3. Rysmendeeva N., 2016. Kirgız elinin çükö oyundarı: etnografiyalık iliktöo. Бишкек: Кыргызская земля. 176 с.
4. Zhamsranzhav B., 2022. «Asyk» in Nomad Culture // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series. Vol. 139. No. 2. P. 185–192.
5. Wenger I., Lynch H., Prellwitz M., Schulze C., 2024. Children's experiences of playground characteristics that contribute to play value and inclusion: Insights from a meta-ethnography // Journal of Occupational Science. Vol. 31. No. 3. P. 405–432. DOI: 10.1080/14427591.2023.2248135.
6. Базылхан Б., 1984. Моңғолша-қазақша сөздік. БНМАУ-ын Шинжлэх Ухааны Академи. Хэл зохиолын хүрээлэн. Улаанбаатар-Өлгий қ., 890 х.
7. Базылхан Б., 1977. Қазақша-моңғолша сөздік. БНМАУ-ын Шинжлэх Ухааны Академи. Хэл зохиолын хүрээлэн. Улаанбаатар қ., 395 х.
8. Құралұлы А. 2002. Ұлттық Дүниетаным. Алматы: Өнер, 64 б.
9. Монголын нууц товчоо, 2004. Улаанбаатар. 140 х.
10. Монраев М.У., 2022. Лексика игры в альчики у калмыков: этнолингвистический аспект // Калмыцкий филологический журнал. № 4. С. 45–52.
11. Нурмаханов А. 1998. Түркі фразеологиясы. Алматы: «Ғылым» баспасы. 95 б.
12. Потанин Г.Н. 1881. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб.: Типография Императорской Академии наук. 412 с.
13. Сагайдачная А.А., 2017. Лексика традиционных игр монгольских народов. Томский журнал ЛИНГ и АНТР. Tomsk Journal LING & ANTHRO. 3 (17). С.42-49.
14. Тайжанов С., Қасымбекова С., 2004. Қазақтың ұлттық ойындары. Алматы: ЖШС «Казстатинформ». 116 б.
15. Уақбаев Е., 2000. Қазақстанда дене тәрбиесі жүйесінің дамуы. Алматы: Санат. 95 б.
16. Цэвэл Я., 1966. Монгол хэлний товч тайлбар толь. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн хэрэг эрхлэх хороо. 36 х.

Reference

1. Bulag, U. E., & Fuerwa, D. 2022. SHAGAI: Traditional Games and Fortune-Telling with Ankle Bone. Kalmyk Cultural Heritage Documentation Project. University of Cambridge. DOI: <https://doi.org/10.17863/CAM.110085>
2. Bukeshova S., Kerimbayeva R., 2020. Using the game asyk as a means against gadgets in children. Pedagogy and Psychology (Abai University). No. 2(43). P. 243–249. DOI: 10.51889/2020-2.2077-6861.33.
3. Rysmendeeva N., 2016. Kirgız elinin çükö oyundarı: etnografiyalık iliktöo [Knucklebone Games of the Kyrgyz People: An Ethnographic Study]. Bishkek: Kyrgyzskaya zemlya. 176 p. [in Kyrgyz]
4. Zhamsranzhav B., 2022. «Asyk» in Nomad Culture // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series. Vol. 139. No. 2. P. 185–192.
5. Wenger I., Lynch H., Prellwitz M., Schulze C., 2024. Children's experiences of playground characteristics that contribute to play value and inclusion: Insights from a meta-ethnography // Journal of Occupational Science. Vol. 31. No. 3. P. 405–432. DOI: 10.1080/14427591.2023.2248135.
6. Bazylhan B., 1984. Mongolsha-qazaqsha sozdik [Mongolian-Kazakh dictionary]. BNMAU-yn Shinhzhlek Uhaany Akademi. Hel zohiolyn hyreelen [Institute of Language and Literature, Academy of Sciences of the Mongolian People's Republic]. Ulaanbaatar-Olgij h., 890 p. [in Mongolian-Kazakh]



7. Bazyllan B., 1977. Qazaqsha-mongolsha sozdik [Kazakh– Mongolian dictionary]. BNMAU-yn Shinhlekh Uhaany Akademi, Hel zohiolyn hyreen [Institute of Language and Literature, Academy of Sciences of the Mongolian People's Republic]. Ulaanbaatar h., 395 p. [in Kazakh and Mongolian]
8. Quraluly A. 2002. Ulttyq Dunietanym [National worldview]. Almaty: Oner. 64 p. [in Kazakh]
9. Mongolyn nuuc товчоо [The Secret History of the Mongols], 2004. Ulaanbaatar. 140 p. [in Mongolian]
10. Monraev M.U., 2022. Leksika igry v al'chiki u kalmykov: etnolingvisticheskij aspekt [The Vocabulary of the Knucklebone Game among the Kalmyks: An Ethnolinguistic Perspective"]. Kalmyckij filologicheskij zhurnal [Kalmyk Philological Journal]. № 4. P. 45–52. [in Russian]
11. Nurmahanov A. 1998. Turki frazeologiyasy [Turkic Phraseology]. Almaty: «Gylym» baspasy. 95 p. [in Kazakh]
12. Potanin G.N. 1881. Ocherki Severo-Zapadnoj Mongolii [Essays on Northwestern Mongolia]. SPb.: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk [St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences]. 412 p. [in Russian]
13. Sagajdachnaya A.A., 2017. Leksika tradicionnyh igr mongol'skih narodov [The Vocabulary of Traditional Games of the Mongolic Peoples]. Tomskij zhurnal LING i ANTR. [Tomsk Journal LING & ANTHRO]. 3 (17). P. 42-49. [in Russian]
14. Tajzhanov S., Qasymbekova S., 2004. Qazaqtyng ulttyk oiyndary [Kazakh National Games]. Almaty: ZhShS «Kazstatinform». 116 p. [in Kazakh]
15. Uaqbaev E., 2000. Qazaqstanda dene tarbiesi zhujesining damuy [The Development of the System of Physical Education in Kazakhstan]. Almaty: Sanat. 95 p. [in Kazakh]
16. Ceval Ya., 1966. Mongol helnij товч тайлбар тол [Concise Explanatory Dictionary of the Mongolian Language]. Ulaanbaatar: Ulsyn hevlelijn hereg erhlekh horoo [Ulaanbaatar: State Publishing Committee]. 36 p. [in Mongolian]

Байгаж А. ¹, *Нурбаева А.М. ², Рустемова А. Е. ¹

¹Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті
Астана, Қазақстан

²Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
Алматы, Қазақстан

*e-mail: nurbaeva.aida@bk.ru

ТҮРКІ-МОҢҒОЛ АРЕАЛЫНДАҒЫ АСЫҚҚА БАЙЛАНЫСТЫ ДӘСТҮРЛІ ОЙЫНДАР: ТІЛ, НОРМА ЖӘНЕ МӘДЕНИ ЖАДЫ

Аңдатпа. Мақала түркі-моңғол ареалындағы дәстүрлі асық ойындарын (қаз. *асық*, қырғ. *ашык/чүкө*, моңғ. *шагай*) салыстырмалы этнолингвистикалық тұрғыда талдап, сипаттауға арналған. Зерттеуде ойынның терминологиялық жүйесінің лексика-семантикалық ұйымдасуына ерекше назар аударылады. Зерттеуіміздің бастапқы ұстанымы – тіл бұл кешенде практикаға қосалқы сипаттама ретінде емес, нормативтік реттеу механизмі ретінде қызмет етеді. Атап айтқанда, ойын құралдарының және олардың мәртебелік түрлерінің атаулары, нәтижелердің позициялық белгіленуі, әрекеттер терминологиясы мен реттеуші лексика арқылы рұқсат етілген іс-әрекеттің өлшемдері, нәтижені тану рәсімдері және ойындық басымдықты бөлу қағидаттары бекітіледі. Қазақ, қырғыз және моңғол дәстүрлері материалының негізінде кешеннің ортақтығы, функционалдық эквиваленттілік ретінде көрсетіледі: тек формалды сәйкестіктерді ғана емес (асық – ашык/чүкө – шагай, алшы – алчы – алц), ең алдымен бірліктің ойын механизміндегі атқаратын рөлі салыстырылады. Зерттеу нәтижесінде қазақ материалы заттық-иерархиялық модельдің айқындылығын көрсететіні (әсіресе *сақа* – *кеней* оппозициясы және зат мәртебесінің функционалдық «салмақпен» байланысы), қырғыз

дәстүрі позициялық лексиканың прагматикалық тұрақтылығын және оны тұрақты тіркестерден-ақ көруге болады. Ал, моңғол материалы қалыптардың бейнелі-символдық концептуалдануын және ойын практикаларын институционалдық стандарттауға ұмтылысын танытатыны анықталды. Паремиологиялық және фразеологиялық қабат ойын категорияларының әлеуметтік семантикаға (сәттілік, құзыреттілік, бедел) ауысуын дәлелдейді, бұл асық/ашық/шағайды әлеуметтендірудің және ұжымдық жадты сақтаудың мәдени тетігі ретінде түсіндіруге мүмкіндік береді.

Кілт сөздер: Түркі-моңғол ареалы, асық-ашық/чүкө-шағай, этнолингвистика, терминологиялық жүйе, кірме сөздер, мәдени жады, позициялық лексика, нормативтілік, салыстырмалы талдау.

Дәйексөз үшін: Байгаж А., Нурбаева А.М., Рустемова А. Е. Түркі-моңғол ареалындағы асыққа байланысты дәстүрлі ойындар: тіл, норма және мәдени жады // Мәдени мұра. 2026. №1 (112). бб. 125-139 (орыс.)

DOI: <https://doi.org/10.47500/2026.v25.i1.11>

Baigazh A. ¹, *Nurbayeva A.M. ², Rustemova A. Ye. ³

¹ L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

² Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan

*e-mail: nurbayeva.aida@bk.ru

TRADITIONAL GAMES WITH ASTRAGAL IN THE TURKIC-MONGOLIAN REGION: LANGUAGE, NORMS AND CULTURAL MEMORY

Abstract. This article explores traditional astragal games in the Turkic–Mongolian region (Kazakh: *asyq*; Kyrgyz: *ashyk/chuko*; Mongolian: *shagai*), focusing on the words and meanings people use to describe these games. The article treats language not only as a means of describing practice, but also as a tool that regulates it, defining which actions are permitted, how results are recognized, and how advantages are distributed by naming equipment, positions, statuses, and actions. Drawing on Kazakh, Kyrgyz and Mongolian sources, the study demonstrates that despite local variations, the games exhibit functional similarities. These similarities can be seen in formal correspondences (*asyq*, *ashyk/chukö*, *shagai*; *alchy*, *alts*) as well as in the roles that each unit plays in the game. Kazakh and Kyrgyz sources reveal clear hierarchical models, evident in the *Sakha* – *kenei* and *saky* – *keney* oppositions, as well as in the relationship between status and functional 'weight'. Mongolian materials emphasize the stability and standardization of positional vocabulary. Evidence from proverbs and phrases shows that game concepts extend into broader social meanings such as luck, skill, and authority. This suggests that *asyk/ashyk/shagai* function as cultural tools for socialization and preserving collective memory.

Keywords: Turkic-Mongolian region, *asyk-ashyk/chuko-shagai*, ethnolinguistic, terminology system, borrowed words, cultural memory, positional vocabulary, normativity, comparative analysis.

For citation: Baigazh A., Nurbayeva A.M., Rustemova A. Ye. Traditional games with astragal in the turkic-mongolian region: language, norms and cultural memory // Madeni mura. 2026. №1 (112). pp. 125-139 (in Eng.)

DOI: <https://doi.org/10.47500/2026.v25.i1.11>



Сведения об авторах:

Байгаж Айжан, докторант кафедры Тюркологии, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан.

ORCID: 0000-0002-2939-9292

Scopus ID: 57194520412

Нурбаева Аида Мухтаровна, PhD, и.о. ассоциированного профессора, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Алматы, Республика Казахстан.

ORCID: 0000-0003-1653-0383

Scopus ID: 56646603500

Рустемова Айгуль Ерболатқызы, докторант кафедры Тюркологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан.

ORCID: 0000-0002-7091-6327

Авторлар туралы мәлімет:

Байгаж Айжан, түркітану кафедрасының докторанты, Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан Республикасы.

ORCID: 0000-0002-2939-9292

Scopus ID: 57194520412

Нурбаева Аида Мухтарқызы, PhD, қауымдастырылған профессордың міндетін атқарушы, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы.

ORCID: 0000-0003-1653-0383

Scopus ID: 56646603500

Рустемова Айгуль Ерболатқызы, түркітану кафедрасының докторанты, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан Республикасы.

ORCID: 0000-0002-7091-6327

Information about the authors:

Baigazh Aizhan, Doctoral student of the Department of Turkology, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan.

ORCID: 0000-0002-2939-9292

Scopus ID: 57194520412

Nurbayeva Aida Mukhtarovna, PhD, Acting Associate Professor of Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan.

ORCID: 0000-0003-1653-0383

Scopus ID: 56646603500

Rustemova Aigul Yerbolatqyzy, Doctoral student of the Department of Turkology, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan.

ORCID: 0000-0002-7091-6327